

Витебские губернские ведомости

1900 г. 27 мая, № 117

с. 3.

ТЕАТРЪ И МУЗЫКА.

Въ четвергъ на сценѣ лѣтняго театра шла драма А. П. Чехова—*Ивановъ*. Эта драма во многомъ уступаетъ позднѣйшимъ по времени произведеніямъ А. П. Чехова для сцены—*Дядя Ваня* и *Чайка*: отъ нея еще не вѣсть той поразительной искренности, простоты и оригинальностью формы, въ ней нѣтъ еще того захватывающаго по драматизму „настроения“, этого внутреннего огня, который согрѣваетъ *Дядю Ваню* и *Чайку*. Эти шедевры современной нашей русской драмы, шедевры потому, что въ нихъ авторъ сумѣлъ отрѣшиться отъ условностей, которыя, переходя по традиціи отъ одного поколѣнія драматурговъ къ другому, такъ сроднились съ формою драмы, что сдѣлались какъ бы неумѣнною ея принадлежностью. Военная на прежнихъ образцахъ наша сцена оказалась слабо подготовленной для такой реформы, и теперь ей приходится отречься отъ тѣхъ боговъ, которымъ она поклонялась такъ долго и такъ усердно, слѣпо вѣря въ непогрѣшимость ихъ заповѣдей не только по существу, но и по формѣ, приходится переучивать себя, даже не переучивать, а учиться, начиная съ азбуки.

Ивановъ, повторяемъ, еще не заключаетъ въ себѣ слишкомъ ярко-выраженныхъ слѣдовъ этой реформы, но и въ немъ есть много чертъ и подробностей, по которымъ не трудно узнать автора *Дяди Вани* и *Чайки*: правдивый до щепотности, чуткій къ реализму художникъ требуетъ того же и отъ исполнителей, которымъ, даже въ самыхъ маленюкихъ роляхъ, данъ богатый матеріалъ для самостоятельной работы; простота, прежде всего простота является главнымъ условіемъ изобразительности, и малѣйшій намекъ на вычурность, хотя бы подсказанную школою, уже повышаетъ тонъ пьесы и звучитъ диссонансомъ, но дѣло въ томъ, что простота труднѣе всего и дается со сцены,—въ этомъ заключается трудность пьесы, требующей очень опытныхъ исполнителей и тщательныхъ репетиціонныхъ для достиженія возможнаго ансамбля.

Въ лѣтнемъ театрѣ *Ивановъ* былъ разыгранъ въ общемъ—довольно удачно. Обставлена пьеса была опять-таки безупречно, если не считаться съ техническими несовершенствами европейской сцены. Г. Курбскій располагаетъ, судя по первымъ тремъ спектаклямъ, хорошей, вѣсколько сухой дикціей, которую, къ невыгодѣ для себя, повышаетъ на повышеніе въ сильно-драматическихъ мѣстахъ, исчерпывая этимъ отчасти глубину обработки типическихъ особенностей роли, что чувствовалось и въ исполненіи нѣмъ очень сложной по психологическимъ мотивамъ роли Иванова. Порядочный ансамбль поддерживали г. Ратонъ и женскій персоналъ труппы, за исключеніемъ, однако, г-жи Сельской, у которой не хватаетъ того, что называется умѣньемъ держаться на сценѣ. То же слѣдуетъ сказать и о г. Зорницъ—его разудалый Миша съ манерами гостинодворскаго приказчика совершенно нигде не годился; мало типиченъ былъ и г. Драстовъ въ роли доктора, проведенной нѣмъ почему-то въ разочарованномъ Чарльсъ-горальдовскомъ тоаѣ. Впрочемъ, эти недостатки въ достаточной мѣрѣ окупились тѣмъ стараніемъ, съ которымъ пьеса была разыграна. Публики въ театрѣ собралось порядочно. —ооо.

Р. С. Въ афишѣ объ этомъ спектаклѣ было напечатано крупными шрифтами: „роль еврейки Сарры исполнить г-жа Сиблевская“. Вѣроятно, это было подсказано чувствомъ конкуренціи съ труппою г. Сиваковского. Врядъ-ли, однако, пьеса А. П. Чехова ну ждается въ такой странной рекомендаціи, а богатый репертуаръ труппы г. Сиваковского, разчитанный на вкусъ невзыскательной публики, слишкомъ исключителенъ для того, чтобы конкурировать съ драмою.

Анонсируется о постановкѣ *Назиды*—Гр. Го. За послѣдніе полтора года, эта пьеса идетъ у насъ уже четвертый разъ.

— О В З .

25 мая (сост.)